

ЗАМИР К. ТАРЛАНОВ
(Петрозаводск)

ЗАМЕТКИ ОБ ИДИОСТИЛЕ Н. С. ЛЕСКОВА

В статье рассматриваются некоторые существенные черты и своеобразие идиостиля Н. С. Лескова, его манера структурировать семантику слова так, чтобы в нем синхронно реализовывались основная и мотивирующая семы в их образно-коммуникативном взаимодействии. Обращается внимание на роль морфем в актуализации игры слов в качестве художественного приема и средства сегментации мира представлений, создаваемого при его участии.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, идиостиль, русский язык, семантика, морфемы, игра слов.

О языке и стиле Н. С. Лескова традиционно писали скупое и редко, как, впрочем, о его творчестве в целом¹. Некоторое исключение, может быть, составляет период примерно с 70-х годов прошлого столетия, отмеченный возрастающим интересом к творчеству, художественному методу, языку и стилю писателя со стороны как отечественных, так и зарубежных исследователей.

Убедительное подтверждение тому не только двенадцатитомное собрание его сочинений, вышедшее в свет в библиотеке «Огонька» в 1989 г. под общей редакцией проф. В. Ю. Троицкого², но и фундаментальный международный сборник научных исследований по творчеству писателя под редакцией Катрин Жери, изданный в Лозанне на французском языке и приуроченный к 120-летию со дня его рождения³. Сборник дает достаточно полную картину того, как складывались ва-

¹ Тарланов З. К. Волшебник слова // Русская речь, 1981. № 1. С. 45–50. См. также: Тарланов З. К. От отдельного слова — к художественному обобщению // Тарланов З. К. Избранные работы по языкознанию и филологии. Петрозаводск, 2005. С. 305–307.

² Лесков Н. С. Собрание сочинений в двенадцати томах. М.: «Правда», 1989.

³ Nikolai Leskov. Dossier conçu et dirigé par Catherine Géry. Lausanne, Suisse, 2006. С. 340.

жнейшие направления в научном осмыслении и освоении художественного наследия писателя и каково их современное состояние, что хорошо показано и в основательной обзорно-аналитической статье его редактора Катрин Жери, которой сборник открывается⁴.

Среди прочих аспектов изучения творчества Н. С. Лескова по-прежнему притягательными, во многом не разгаданными остаются в первую очередь те, которые связаны с тайнами его языка и стиля.

И в самом деле, каковы они, эти неповторимые тайны стилистики Лескова в их созидательной потенции и реально-языковом воплощении? В чем состоит то своеобразие, которое определяет суть его идиостиля?

Эти и подобные вопросы не раз обсуждались в научной литературе, получая свои в разной степени и с разных сторон мотивированные решения.

Те же вопросы составляют предмет и настоящих заметок.

Заметки эти будут сосредоточены, однако, в основном вокруг одного приема, служащего для семантического обновления или подновления, оживления, актуализации слова в прозе Н. С. Лескова.

Условно этот прием можно обозначить как прием *семантического градуирования*, семантической стратификации слова.

В самом общем виде смысл его состоит в том, что благодаря ему слово реализует в речи не одно из своих контекстуально поддерживаемых значений, а два значения одновременно — основное и дополнительное, тем самым проявляясь как семантический двучлен, как своеобразная усложненная, составная, бифокальная сема. При этом дополнительное значение, будучи мотивирующим, как бы перекрывает основное значение. Таким образом создается новая семантическая структура, являющаяся двухфокусной.

Основное назначение приема семантического градуирования у Лескова — это сделать слово ярким по выразительности, особым образом *подсвеченным дополнительным семантическим светом*.

Общая оценка сути слова как выразительного средства, куда входит и этот прием, полно и ясно звучит, например, в реплике Дорушки — одного из чутких к языку персонажей из романа «Обойденные», явно ориентированной на позицию автора и адресованной другому герою того же романа Нестору Игнатьевичу Долинскому: «Всякое слово хорошо, голубчик мой, Нестор Игнатьевич, если оно выражает

⁴ Géry C. La réception critique de Nikolai Leskov ou les paradoxes de la postérité littéraire // Nikolai Leskov. Dossier conçu et dirigé par Catherine Géry. P. 11–22.

то, что хочется им выразить. Академия наук не знает слов, которые нужны, — отвечала ласково Дора»⁵.

Таким образом, слово должно выражать то, что «хочется им выразить».

Оно должно быть гибко субъективным, в том числе и по степени семантического проявления. Оно должно быть функционально направленным и коммуникативно нацеленным.

Пути, способы достижения такого эффекта у Лескова столь же многообразны в плане их соотнесенности с природными свойствами языка, сколь и закономерны, вместе с тем свежи своей неожиданностью.

Один из них — это целенаправленное *семантическое градуирование* слова, которое строится как по линии наращивания, сгущения его значения и значений, так и по линии противоположной, ведущей к потускнению семантики.

Семантическое градуирование по нарастающей часто достигается простой редупликацией корневых частей слова, которая уже сама по себе оказывается предпочтительной в силу своей экономности в отличие от аналитического (синтаксического) способа выражения того же самого значения, не говоря о ее возможностях сгущать и в целом варьировать это значение.

Вместе с тем и сама редупликация также может целенаправленно варьироваться. Показательна в этом отношении, например, субстантивная часть составного эпитета *горе-горькая* в следующем высказывании: Семья нечаянного восприемника новорожденного княжича <...> потянулась от родных степей заволжских далеко-далеко к цветущей заднепровской Украине, к этой обетованной земле великорусского крепостного, убогавшего от своей *горе-горькой* жизни («Обойденные», III, 10)⁶.

Особая природа указанной редупликации хорошо видна в сопоставлении с представленной в том же высказывании чистой редупликацией *далеко-далеко*, в которой наречное значение ‘очень большой пространственной удаленности’ выражено просто самим фактом повторения одного и того же корня, что вполне обыденно для словообразования в разных языках. Ср. также: — Эх, господа, господа! Какие у вас должны быть *крошечные-крошечные* страстишки-то! (Там же, с. 82).

⁵ Лесков Н. С. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 3. С. 158.

⁶ Здесь и далее в скобках и кавычках дается название произведения, римскими цифрами — том, в котором оно опубликовано, арабскими — соответствующие страницы.

Совсем по-другому обстоит дело в сочетании *горе-горькая* (*жизнь*). В нем субстантивная часть эпитета-определения вопреки своей грамматической сути предстает как форма, агглютинативно присоединенная к адъективной части (определяемое подчинено определяющему). И в самом деле, существительное *горе* использовано в качестве своеобразного префикса (префиксоида), служащего для максимального сгущения семантики прилагательного *горькая*, для обозначения предельного проявления выражаемого им качества. Об этом же свидетельствует и согласование адъективной части сложного прилагательного с существительным *жизнь*. Здесь раскрываются новые возможности функционального использования существительных в качестве слов признаков.

Рассмотренной структуре по-своему так же противостоит сложное разнокорневое прилагательное *безмолвно-могильный*, представляющее собой тоже редупликат, но семантический, ср.: Народ трепетал и *безмолвно-могильными тенями* скользил около княжеских хором (Там же).

В этом случае градуирование вырастает на базе практически трех лексем, по-разному реализующих одно и то же значение. Но, изосемантически повторяясь в трех словоформах в пределах одной и той же синтагмы, это значение сгущается до предельной степени проявления качества, т. е. *градуируется максимально*. Ср. это значение в виде отдельных его слагаемых: 1) Народ трепетал и *безмолвно* скользил около княжеских хором; 2) Народ трепетал и *могильными тенями* скользил около княжеских хором; 3) Народ трепетал и *тенями* скользил около княжеских хором.

Каждый из вариантов семантически идентичен другому и коммуникативно самодостаточен, ибо у них один и тот же семантический (ядерный) знаменатель, а именно: *тени* безмолвны по определению; *могилы* — тоже; *безмолвие* же говорит само за себя, это «отсутствие звуков, полная тишина»⁷.

Соединяясь, все три слова создают новую семантическую ценность в ее предельном проявлении, выполняющем художественно-эстетическую, абсолютно образную функцию. Эта функция усиливается и далее, приращаясь за счет семантики глагола *скользить*. Ср. еще один тип повтора, на этот раз близкого к устнопоэтическому, с помощью которого выражается объективная неотвратимость смены времен, жизненных процессов, движения и динамики как таковых вообще: А между тем *время работало свою работу* (Там же, с. 16).

⁷ Словарь русского языка. В 4 т. Т. I. М.: «Русский язык», 1981. С. 73.

Весьма распространенной в языке Н. С. Лескова является структура «прилагательное в превосходной степени + прилагательное» (либо в обратном порядке), служащая для обозначения высшего проявления качества и нередко не лишенная плеонастичности: Автономии его (Долинского. — 3. Т.) решительно не существовало, и жизнь он вел *прегорькую-горькую* (Там же, с. 43); <...> Вырвич не нашелся сказать в ответ ни слова, и *красненький-раскрасненький* молча вышел за двери (Там же, с. 91); <...> на диване лежало что-то большое, *престранное-странное*, как будто мертвец, закрытый белой простынею («Островитяне», III, 388); Увидев меня, *madame* Норк *горько-прегорько* заплакала и задержала головою в крепких ладонях Германа (Там же); <...> в круглой красной комнате горел яркий-преяркий огонь («Островитяне», III, 416); — Странно это, — говорила она через несколько минут, — как люди мало ценят то, что в любви есть *самого лучшего*, и спешат падать как можно грязнее («Обойденные», III, 93).

Семантическое градуирование строится и по нисходящей линии путем 1) количественного убавления вплоть до сведения на нет семантики наречия меры и степени: Он был человек очень честный в буржуазном смысле этого слова, и даже неглупый, но ленивый, вялый, беспечный и ко всему *всесовершенно равнодушный* («Обойденные», III, 20); 2) повторения однокоренных слов с одной и той же отрицательной частицей *не*: Илья Макарович был чистый хохол *до самой невозможной невозможности* (Там же, с. 121); 3) ослабления признака прилагательного путем замещения приставки *пре-* семантически противоположной приставкой *при-*, оксюморонно сочетающейся с наречием степени *очень*: — Ну, и *очень прикрасно*, пусть так и будет, — отвечал художник, налегая на букву *и* вумышленно портимом слове «прекрасно»; — Да, и *очень прикрасно*, а мы вот теперь с Нестором Игнатьичем вместе жить будем, — сказала Дора; — И *очень прикрасно!* — возглашал художник, когда переговоры кончились в пользу перехода Долинского к Прохоровым; — А *прикрасно*, — говорила Дора, — по крайней мере, будет хоть с кем в театр пойти; — *Прикрасно, прикрасно*, — отвечал Журавка шутя, но с тенью некоторой, хотя и легкой, но худо скрытой досады (Там же, с. 68); 4) нагнетания все возрастающей неполноты глагольной семантики с помощью соответствующих префиксов, обозначающих неполноту действия: <...> но, наконец, в городе стали замечать, что Долинские *«начали приупадать»*, а еще немножко — и семья Долинских уж вовсе не считалась зажиточной (Там же, с. 21); Кончилось тем, что *«приупадавший»* дом Долинских упал и разорился совершенно (Там же, с. 23).

Тот же эффект достигается путем повторения основы, но дополненной суффиксом оценочно-градуирующей семантики: Везде *тихо-тихонько*, только в полумраке на синем льду озера катается на коньках несколько прозябших мальчиков <...> («Островитяне», III, 410).

Аналогичная семантика конструируется и с помощью префикса *по-*, присоединяемого даже к глаголам совершенного вида: Я бы (художник Роман Прокофьич Истомин. — З. Т.) очень желал на нее (Маню. — З. Т.) взглянуть. Переменилась она?

— Очень.

— Отцвела?

— Да, *поотцвела*.

— Странный народ эти женщины! — как у них это скоро. Я говорю, как они скоро отцветают-то! («Островитяне», III, 393).

Еще один способ семантического градуирования — это внутривидовое расщепление значения, когда форме несовершенного вида повторно, дополнительно придается статус того же несовершенного, как бы подчеркнуто продолженного действия: Иногда, впрочем, мы беседовали, даже варили себе шоколад, и даже *смеивались*, но никогда не говорили о прошлом («Островитяне», III, 407).

Для оттенения, актуализации, выделения слов, образующих художественный текст, Н. С. Лесков нередко *варьирует разные их словообразовательно-грамматические формы*, тем самым уравнивая их в функционально-семантическом плане, хотя обычно они и не являются функциональными вариантами, ср.: Пять лет у *молодого супружества* не было детей, а потом явилась дочь Аннушка («Обойденные», III, 14). Вместо словосочетания из конкретных слов *молодые супруги* используется собирательное слово с определением-эпитетом, и это заостряет восприятие текста.

С аналогичной целью используется и *антитеза*, в которой противопоставляемые члены являются логически не сопоставимыми, а это опять-таки обостряет восприятие художественных описаний и событий, ср.: Восемнадцатилетний князь Кирилла Лукич *смотрел молодцом, хотя и французом* (Там же, с. 15).

Антитетично, нередко оксюморонно, выстраиваются как разные высказывания внутри единого художественно-синтаксического целого, так и контактно расположенные компоненты внутри высказывания, внутри сравнительной конструкции (— *Очень милый господин! Вежлив, как сапожник*, — говорила Дорушка, непомерно раздражаясь на князя, которого Анна Михайловна всякий день с тревогою и нетерпением дожидалась с утра до ночи и все-таки старалась его

оправдывать. — Там же, с. 18) и даже внутри слова между префиксом и образующей основой: Он (Нестор Игнатьевич. — *З. Т.*) был, что у нас называется, «человек разноплетеный» (т. е. быть в разладе с самим собой, нерешительным, безвольным, болезненно раздражительным. — *З. Т.*) (Там же, с. 25).

Создаваемые либо по случаю привлекаемые Н. С. Лесковым новые фразеологические средства, слова, семантические единицы разного достоинства, сравнения, неожиданно врываются в текст, и многое другое подобное позволяет ему тонко и точно, без развернутых описаний очертить характер и степень действительной или мнимой близости, равно как и удаленности, отношений между людьми вопреки их собственным признаниям и характеристикам. Таковы, например, фразеологизм с опорным словом *солнышко* и сравнение со словом *историк* в следующих микротекстах: Бабушка этого богача с бабушкой «матроски», как говорят, *на одном солнышке чулочки сушили*, и в силу этого сближающего обстоятельства «матроска» считала богача своим дяденькой (Там же, с. 27); Она (Юлочка. — *З. Т.*) лгала, *как историк*, и вернулась домой с тысячью рублей (Там же).

Понятно, насколько беспредельным и смешным предстает понимание диапазона степени родства некоторыми персонажами Н. С. Лескова, если оно может определяться даже по отношению к одинаковым действиям, совершаемым ими под единым солнцем. Сушат чулочки на одном солнышке, — значит родственники. Так выявляется вымышленное, но выгодное для себя родство, декларируемое «нравственно развращенной» Юлочкой и ее матерью-«матроской». Поэтому неудивительно, что Юлочка «лгала, как историк», *то есть виртуозно и бесшабашно*.

Поставив себе целью увлечь Долинского, Юлочка ищет ключ к нему и решает: «Кажется, *на поэзию прихрамливает!* (курсив мой. — *З. Т.*) — заподозрила она его довольно скоро, разумея под словом *поэзия* именно то самое, что разумеют под этим словом практические люди, признающие только то, во что можно пальцем ткнуть» (Там же, с. 30). Она сама — из «тускарских пауков», хитрая хищница с «подшпоренной фантазией», может «прервать речь проглоченною слезою», прикидывается благодетельницей «пожилой благородной девушки Аксиньи Тимофеевны», по оценке которой «подлые все нынче люди стали, *интересаны*» (курсив мой. — *З. Т.*); может по необходимости и к случаю прослезиться «*настоящими, искренними, художественными слезами*»; родная сестра характеризует ее как «*эффектницу* и фантазерку».

Юлочка (Юлинька), ее мать «матроска», «пожилая благородная девушка» Аксинья Тимофеевна и им подобные — это люди той социальной среды, которые не стесняются в выборе средств для достижения поставленных целей, ведущих к изменению их собственного социального статуса. Они не являются теми, кем прикидываются. Они пытаются казаться людьми благородными, образованными, пытаются «аристократничать», но их речь, их словечки, их языковые потуги изобличают их беспощадно на каждом шагу. Им не дано выйти за пределы того мира, который лучше всего представлен в их языке, социальном жаргоне, ибо они по природе своей принадлежат этому миру. Они хотят казаться другими, но речь их показывает, что они собой представляют на самом деле.

Рисуя эту социальную среду, ее обитателей Н. С. Лесков опять-таки прекрасно использует возможности художественного приема *градуирования*, но на этот раз — через выявление их общеязыковых компетенций, органичных для них, для их социальных положений речевых штампов, манеры речи, речевых оценок, словообразования и словоупотребления и т. д.

Так, главный благодетель матроскиных находит Долинского «каким-то совсем *неискательным*» (бог знает, что это значит, но ясно, что не понравился), а надо бы, чтобы он был *«искательным»*. Юлинька *«поклепала»* благодетеля «ухаживанием за нею», ищет способа, как *«обезличить кроткого мужа»* (т. е. лишить его самостоятельности, лица), хочет «довести свою мать до совершенной *остылицы* мужу», чтобы они были нетерпимы друг к другу; ее задача — *«обшкочить»* мужа. Матроске (матери Юлиньки) всегда выходит боком ее неодолимое желание «аристократничать». Она не может правильно выговаривать даже вполне обычные, простые слова, поэтому *стеариновую* свечу называет *стерлиновою*, *сироп* — *суропом*, *камфин* — *канхином*, *правоведение* — *праловедением*, целый год рассказывает всем, что один раз была в театре на *«Эспанском дворянине»*.

Для Нестора Долинского, выходца из рода заднепровских аристократов, подобные выражения, естественно, непонятны и неприятны. Он, как и полагается аристократу, сдержан в своем речевом поведении, проявляет изысканность в речи, но сама эта изысканность тоже *градуирована* и нередко доводится до смешного, например, в плеонастически образованных инклюзивных формах первого лица множ. числа со значением призыва, приглашения, которые используются им в прощальном письме к жене и в разговоре с Дарьей Михайловной Прохоровой: *Не будемте* бесполезно упрекать ни себя, ни друга, и *простимтесь*, утешая себя, что перед нами раскрывается

снова жизнь, если и не счастливая, то, по крайней мере, не лишенная того высшего права, которое называется свободой совести и которое, к несчастью, люди так мало уважают друг в друге (Там же, с. 46); *Перестанемте* об этом говорить, Дарья Михайловна, а то вон опять нас птица слушает (Там же, с. 169).

С точки зрения динамики норм литературного словообразования XIX в. примечательно то, что в речи образованных, интеллигентных персонажей романа (того же Долинского, художника Ильи Макаровича), безусловно ориентированной на речевые предпочтения автора, в производных прилагательных более продуктивны суффиксы *-ск-* (вместо *-н-*), а в существительных — *ченк-* (вместо *-очк-*), что в последнем случае свидетельствует, может быть, и о функциональном доминировании в этот период форм мужского рода, а также в целом производные суффиксы: <...> каждое слово, сказанное тихим и *симпатическим* голосом Анны Михайловны, веяло на него каким-то невозмутимым, святым покоем, и Долинский чувствовал силу этого спокойного влияния Анны Михайловны не менее, чем *энергическую* натуру Доры (Там же, с. 56); Друг, говорю, ко мне приехал неожиданно; позвольте, говорю, мне в долг пару *бутыльченок* шампанского (Там же, с. 67).

Суффиксы *-чонк-* (*-чонок*) функционируют как вариативные межродовые словообразовательные форманты, что явствует и из следующих примеров из реплик художника Ильи Макаровича и речи повествователя: — Маринованные! Отлично. Я вот *грибчонком* закушу. Илья Макарович тут же, стоя у шкафа, выпил *водчонки* и закусил *грибчонком* (Там же, с. 129); — А *грибчонки* бардзо добрые, — заговорил он, громко откашливаясь за каждым слогом (Там же); — Ахтильные *грибчонки*, — говорил Илья Макарович, входя в комнату, где оставалась его итальянка (Там же); — А что-то наш Несторушка теперь подельывает? — спросил Илья Макарович, которого *две рюмчонки*, видимо, развеселили (Там же, с. 130); — *Водчонки* пропустить хотите? — спросила Анна Михайловна, не подымая глаз от книги (Там же, с. 136); — <...> забегу в Палкин, *водчонки* хвачу (Там же, с. 140); — Что ж вы не сказали, здесь бы была *водчонка*, — спокойно говорила Анна Михайловна, хотя лицо ее то и дело покрывалось пятнами (Там же, с. 140); Через день у ней был Журавка со своей итальянкой, и если читатель помнит их разговор у шкапика, где художник пил *водчонку*, то он припомнит себе также и то, что Анна Михайловна была тогда довольно спокойна и даже шутила, а потом только плакала; но не это письмо было причиной ее горя (Там же, с. 191).

Выбор писателем именно этих суффиксов в качестве словообразовательных средств объясняется, помимо всего прочего, близостью их не только к вещественным (не лишенным собственного значения) единицам языка со своей вполне очевидной категориальной семантикой, но и тем, что в этой вещественности они явственно локализируются в подклассе слов, обозначающих детенышей животных и характеризующихся своими морфонологическими соотношениями. Это тоже — одна из линий развития, разработки внутренней формы слова, его актуализируемого содержания. Ср., напр., типологически со словами *волчонок*, *бельчонок*, *рыбчонка*. В словообразовательном плане ср. также: С тех пор Нестор Игнатьевич вел студенческую жизнь в Латинском квартале Парижа, то есть жил *бездомовником* <...> (Там же, с. 71), вместо более ожидаемого *бездомником*.

Очевидно, что Н. С. Лесков длинные, производные, словообразовательные средства предпочитает коротким в силу их большего автосемантизма. Это явствует уже из приведенных выше иллюстраций. Вот еще пример, свидетельствующий о том же: Сила предания тиранствовала над этими нравами до тех пор, пока общественное *чуждательство* от сближения с людьми, пьянствующими ех *professo* вдруг показало тогдашним художникам, что они могут остаться за флагом, ибо на смену их является новое поколение, не манкирующее явно благопристойностью («Островитяне», III, 332).

Как бы то ни было, Лесков избегает словообразовательных средств, лишенных относительной семантической самобытности, достаточности и потому находящихся на стадии грамматикализации. Обратимся к следующему простейшему примеру: — Скучно без них ужасно, — сказала Анна Михайловна, *обваривая* чай (Там же, с. 138). В выделенном причастии приставка *об-* вместо ожидаемой *за-* не случайна, поскольку она более объемна и конкретна по смыслу, менее стерта, следовательно, более содержательна и более конструктивна для создания внутренней формы, чем приставка *за-*. Это тем более справедливо по отношению к глаголу *обрезонить* с той же приставкой вместо *урезонить*: — *Обрезонить* надо человека; вот что будет! — наконец вымолвил он с таинственным придыханием. — Это вы Долинского хотите *обрезонивать*! Он не мальчик, Илья Романович. Ему уже не двадцать лет, сам понимает, что делает (Там же, с. 137).

Примечательны также и новообразования: 1) абстрактные существительные, образованные нулевой аффиксацией в сочетании с усечением и смягчением производящей основы (в речи Доры): Кто ведет свои дела умно и решительно, тот все это отлично уладит, а вы, миласечки мои, сами *неудобь* какая-то, оттого так и рассуждаете (Там же,

с. 58); А мы вас здесь, знаете, как прозвали? «*Неудобь*»; 2) слова, в общем языке образованные лексико-морфологическим способом (переход падежной формы существительного во множ. числе в наречие образа действия), употребляются в ед. числе как синхронные неологизмы (в речи Доры): «Р. S. Наш независимый Илья Макарович продолжает все более и более терять независимость от своей Грациэллы и приходит к нам довольно редко и то *урывком*» (вместо формы *урывками*) (Там же, с. 60); или случай противоположного типа: — Присядьте, — сказала она. — Посидимте вдвоем *напоследях* («Островитяне», III, 369); 3) родовая пара образуется от существительных, которые такими парами не обладают в соответствии с их общим значением (напр., значением ‘человек’): Я (Дора. — З. Т.) по крайней мере нигде не видная и ничего не знающая *человечица* (от *человек*. — З. Т.), а ведь это... видите... рассуждают совсем будто как большие! («Обойденные», III, 76); 4) прилагательные со значением предельной степени качества образуются от междометий: — *Ахтительные грибочки*, — говорил Илья Макарович, входя в комнату, где оставалась его итальянка (Там же, с. 129); 5) от междометий же образуются и звукоподражательные глаголы с характерологической функцией, ср.: Илья Макарович заходил по комнате и все *дмухал* сердито *носом*. <...> Илья Макарович опять *задмухал* (Там же, с. 136–137); Илья Макарович *дмухнул носом* и, помолчав, спросил (Там же, с. 138); 6) глаголы образуются от основы сравнительной или превосходной степени прилагательных: За что вы его так браните? Ну, что от этого поправится или *получшеет*? (Там же, с. 138); 7) глаголы же, обозначающие род деятельности, образуются и от субстантивов со значением лица: *аристократ* — *аристократничать*, *нигилист* — *нигилистничать*: Сделайте милость, не пробуйте опять *нигилистничать*: совсем ведь не к лицу вам эти лица (Там же, с. 165); <...> даже, будучи хорошим человеком, вы вдруг надумаете: а ну-ка, я *понигилистничаю*! (Там же, с. 166); 8) качественное наречие образуется посредством редкого суффикса *-мя* от *семантически разноориентированной, но неясной производящей основы*, что вполне согласуется с поэтикой и стилистикой Лескова: Тяжелая полоса потянулась над бедным семейством Норков. Похороны бабушки отбывались *как бы потоймя*, без всякого шума и наскоро («Островитяне», III, 390).

Не менее занимательно обстоятельство наречия времени *послеобед*, образованное самым неожиданным образом — путем свободного сложения, скорее — контаминирования, существительного *обед* в именительном падеже с предлогом родительного падежа *после* со значением времени: (Маня) вытирала ее (картину. — З. Т.), пере-

ставляла с места на место и потом *целый послеобед* ходила по зале, а ночь не спала и теперь вот что: Подайте ей Истомина! («Островитяне», III, 394). По-другому построено, но безусловно выразительно и наречие *исчужа*: *Исчужа* можно было предполагать, что сюда на этот вечер ожидают прибытия Кармакдойля или Рауля-Синей бороды («Островитяне», III, 411).

Идиостиль Н. С. Лескова немислим без очевидной внутренней формы слова то ли реально этимологической, то ли создаваемой по законам народной этимологии, ср.: Что вы никогда почти не хотите меня поддержать перед ними? — говорила Дора. — Да не в чем-с, когда вы и сами с ними справляетесь. Я бы (Долинский. — 3. Т.) ведь так не *соспорил*, как вы («Обойденные», III, 76). В префиксальной части слова актуализировано его этимологическое значение, память о котором в современном русском языке сохраняется лишь в его синтагматике (*спорить* с...).

Или вот случай, когда этимологическое значение, фиксированно сохраняющееся только в форме множ. числа, оживлено в корне слова в качестве свободного значения: <...> закипел какой-то ожесточенный спор. Чтобы положить конец этому *прению* и не потерять редкого в эту пору хорошего дня, Долинский, допив свою чашку, тихонько вышел <...> (Там же, с. 85–86).

В сущности, по той же логике построено и слово *развиватели*, которым названы нигилисты Вырвич и Шпандорчук за их призывы *развивать* женщин, чтобы те осознали необходимость борьбы за свои права (Там же, с. 77–79).

Будучи произведенными с помощью разговорных суффиксов, прозрачны по своей внутренней форме и те слова-характеристики, которыми Даша награждает общих ее с сестрой знакомых, ср.: — Ишь, какой он (Долинский. — 3. Т.) *нежоха*! Какой у него халатик мягенький, — говорила Даша, проводя ручкой по нежному беличьему меху (Там же, с. 112); *Alexandrine* твоя, что называется, *пустельга* чистая. Тебе положиться не на кого (Там же, с. 113).

Важнейшая база идиостиля Н. С. Лескова — это свободный, гибкий по своим выразительно-изобразительным возможностям, а также хронологически протяженный русский разговорный язык, не ограничиваемый нормативными предпочтениями и традициями в употреблении, в том числе и в плане соответствия определенным литературно принятым парадигмам, что и является природным свойством его сказа и идиостиля в целом, ср., напр.: — Она (Дорушка. — 3. Т.) приложила палец к концу ногтя своего мизинца и добавила, — вот этикие должно быть, *чупушные*, *малюсенькие*; меньше воробьиного носка

(Там же, с. 82); <...> голубок *встрепенался*, взмахивал крылышками, показывая свои беленькие подмышки, припрыгивал два раза, потом делал своими красненькими ножками два вершковых шага, и опять давал Бобке подползать и *изловчатся* (Там же, с. 87); <...> Шпандорчук и Вырвич частенько *заимствовались* у Долинского *небольшими деньжонками* <...> (Там же, с. 90); — Давай свою руку, несчастный страдалец! — звало его *пискливым* голосом домино (Там же, с. 94); — Ты думаешь, что она его *причаровала*? — О, нет! Она *не чаровница*. Она его просто *пришила*, *пришила* его, — отвечало, громко рассмеявшись, звездное покрывало, и обе маски побежали (Там же); <...> но тотчас же, как Анна Михайловна начала *обмогаться*, Дора опять сошла в постель и еще посерьезнее прежнего (Там же, с. 103); Дарья Михайловна *обмогалась* (Там же, с. 111); — Э! Уж хоть вы, по крайней мере, перестаньте, пожалуйста, *комонничать*! — крикнула она (Дора. — 3. Т.) запальчиво на Долинского (с. 108); Вот анекдот-то выйдет! Хоть со света *бежи* тогда (Там же, с. 145); Состояние Норк, благодаря неусыпным трудам матери, *не расстроивалось* («Островитяне», III, 285).

Свидетельством той же языковой свободы в духе народной речи являются, например, формы сравнительной степени типа *тяжче*, страдательные причастия прошедшего времени с суффиксом *-т-*: <...> и все крепче спирается могучий дух, и все *тяжче* он томит витязя, а железный гроб все качается («Островитяне», III, 439); Эта радостная новость, может быть, опять взлетала бы над ним Ивиковыми журавлями и, напомнив ему отринутое счастье, заставила бы задрожать за *неузнатую* Денман («Островитяне», III, 447).

Нередко использование языковых форм персонажами Лескова приобретает черты тонкой игры с ее едва уловимыми нюансами, ср.:

— Какие у людей маленькие душонки! — сказала Даша с презрительной гримаской.

— У кого же они больше?

— Да у *никого* (Курсив автора. — 3. Т.). Это-то и скверно, что *ни у кого* («Обойденные», III, 150).

Ср. также:

— Подите же с ними! — тихо отвечал Долинский.

— Ведь это ужасное несчастье.

— Да, это *не счастье*! (Курсив автора. — 3. Т.) (Там же, с. 149–150).

С точки зрения игры формами отрицательных местоимений, не лишенных двусмысленности, ср. также: — Нет, по-моему, все-таки

лучше писать *ничего* (Курсив автора. — *З. Т.*), чем ничего не писать (Там же, с. 198). Та же гибкость грамматических и словообразовательных возможностей языка в семантическом градуировании реализуется в прилагательных, произведенных посредством суффикса *-к-, -ов-*: Долинский задыхался, а светляки перед ним все мелькали, и зеленые майки качались на *гнуток*их стеблях травы и наполняли своим удушливым запахом неподвижный воздух <...> (Там же, с. 232); Завидя в передней гостей, «прислуга» моя выбежала уточкой и начала около них кататься, стаскивая с них мокрые тальмы и шляпы, встряхивая их юбочки и обтирая их *козловые сапожки* («Островитяне», III, 289).

Неожиданны, но вместе с тем понятны семантико-фразеологические окказионализмы писателя. Так, окказиональный фразеологизм *иметь личность*, вложенный в уста художника Ильи Макаровича Журавки, сконструирован из глагола со значением обладания и абстрактного существительного в совершенно особом употреблении, не отмеченном в словарях — в значении ‘быть недовольным, настроенным против кого-, чего-нибудь’, ср.: — Это подлое ружьенко, — говорил он (Илья Макарович, художник. — *З. Т.*) насчет какого-нибудь ружья, к которому начал *иметь личность* за то, что не умел пригнать пулю к его калибру — и опальное ружье тотчас теряло тесменный погон и презрительно ставилось в угол («Обойденные», III, 125); Вследствие этого несчастного обстоятельства, Илья Макарович *возымел к коршу-ну такую же личность*, какую он имел к своему ружью <...>; — Нет, она понимает, подлая птица, — говорил он людям, увещевавшим его *прекратить бесполезную личность к коршу-ну*; Не прошло года, как Илья Макарович *возымел некоторую личность и против своей Луизы*; но с Луизой было не так легко справиться, как с ружьем или с коршуном (Там же, с. 126).

Так же примечательно расширенное семантико-функциональное использование слов, опирающееся не только на их новые значения, но и на переносные архаичные, что закономерно приводит к возрастанию границ их сочетаемостных возможностей. Так, прилагательное *утлый*, обозначая ‘непрочный, некрепкий, ненадежный’, как правило, сочетается с названиями «плавающих средств передвижения»⁸. У Лескова это значение намного шире, ср.: Самым старым лицом здесь была *утлая старушка* Норк. Ей было уже восемьдесят три года; она была некогда и умна, и красива, и добродетельна; нынче она была просто развалина, но развалина вполне опрятная <...> («Остро-

⁸ Там же. Т. IV. М.: «Русский язык», 1984. С. 534.

витяне», III, 295). Архаичные формы и значение ненавязчиво актуализированы в сочетании *днешнего дни* в тексте: Вы можете считать его даже уродом, даже уродом, пожалуй в наш век и невозможным, но тем не менее он живой человек, и на Васильевском острове еще непременно есть зеркала, в которые он и до *днешнего дни* смотрится («Островитяне», III, 329).

Лесков свободен в обращении с языком, но это — та свобода, которая завоевывается глубоким постижением языка, его закономерностей, последовательно реализующихся именно в народной речи. Поэтому, создавая свои художественно-языковые ценности, он следует логике народной речи, народным традициям, где все взаимосвязано, мотивировано, подвижно.

Отсюда ясно, почему под пером писателя приходят в движение даже полуомертвевшие устойчивые фразеологические формулы-клише, лишаясь своей замкнутости и оживляясь семантически. У него «мастерицы работали *рук не покладывая*» («Обойденные», III, 132), вместо общепринятого *не покладая рук*, удаленного от актуализации процессуальности, а потому маловыразительного. Кажется, только лесковские герои могут «заговорить ни о чем» (вместо *о том, о сем*), «войти в свою тарелку» (трансформ фразеологизма *быть в своей тарелке*), ср.: — Бог вас знает, дорушка! — отвечал Долинский, *все еще не вошедший в свою тарелку* (Там же, с. 146). Того же свойства и фразеологизм *не слыхали души* вместо *не чаяли души* в следующем фрагменте текста: Для матери и рассыпавшейся пеплом бабушки этот ребенок (Маша. — З. Т.) был идолом; сестры в ней *не слыхали души*; слуги любили ее до безумия («Островитяне», III, 285–286).

Духом свободы народной речи порождены безличные конструкции типа «У Долинского вдруг *похолонуло* в сердце» («Обойденные», III, 183). Той же свободой мотивировано и безличное употребление краткой формы прилагательного в высказываниях: Я прошел мимо Иды Ивановны, стоявшей в магазине, и сел, не зная, что мне делать, но чувствуя, что *мне* совсем здесь хорошо и *ловко* («Островитяне», III, 302); <...> все ему, бывало, хорошо, что ни подашь; все *ловко*, где его ни посадишь (Там же). В том же ракурсе должно быть осмыслено наречное сочетание *гораздо после*: Вот другое бы дело, если бы в доберанской газете напечатали другую историю, которая случилась *гораздо после* <...> («Островитяне», III, 415).

Весьма своеобразно строятся синтаксические окказионализмы, в которых принцип оксюморона дополняется сочетательной новизной определяющего слова-плеоназма по отношению к определяемому: На сердце и нрав Ильи Макаровича синьора Луиза не имела желаемого

влияния. Он оставался по-прежнему *беспардонно добрым «товарищеским» человеком*, и все его знакомые очень любили его по-прежнему («Обойденные», III, 128). Тот же оксюморон лежит и в основе характеристики петербургского «демисезонного лета»: Здесь уже было очень холодно и по обыкновению сыро, что, впрочем, все-таки идет Петербургу гораздо более, нежели его *демисезонное лето*, которое ему совсем не к лицу, не к чину и не к характеру, которое ему никогда не удастся, да и вовсе ему не нужно: зима с окаменевшею Невою, с катками, оперой и с газом в фонарях ему гораздо больше к стати («Островитяне», III, 370). Того же свойства и определение-эпитет «ненавистно-милые» (лица): <...> лица, лица, *ненавистно-милые* лица, стившие столько слез, столько терзающих скорбей и гнетущего горя <...> («Островитяне», III, 373). При всей своей синтаксической закономерности и потому обыденности для русского языка свежо и по-новому, как неологизм, звучит, но тем не менее спокойно работает в тексте редкое безличное сочетание «стало спаться»: Мне опять *стало спаться* и стала сниться эта долина, сухая, серая, пыльная, без зелени, совсем без признака жизни <...> («Островитяне», III, 375). Совершенно замечателен и глагол *русить*, с помощью которого характеризуется немец Фридрих Фридрихович Шульц, который «был и хлебо-сол и человек не только готовый на всякую посылку, но даже напрашивавшийся на нее; он и патриотизму русскому льстил, стараясь как нельзя более во всем *русить* <...>» («Островитяне», III, 301).

Лесков-художник неповторим не только в его литературных творениях, но и в том постоянном экспериментировании, возведенном в ранг мощной созидательной силы, благодаря которой раскрываются неисчерпаемые богатства и изобразительно-выразительные возможности русского языка. В этом смысле его творчество, как, впрочем, и вся русская классика, все еще ждет своих исследователей.

Summary

Zamir K. Tarlanov

SOME ESSENTIAL FEATURES OF LESKOV'S IDIOSTYLE

The article deals with some essential features of Leskov's idiostyle, esp. his manner of word semantics structuring directed at synchronistic realization of main and motivating semas in the context of their image-communicative interaction. Special attention is also paid to morphemes' role of play on words as an element of style and artistic perception of reality as well.